

Отзыв официального оппонента

**о диссертации А.С.Труновой «Влияние классическогорго романа Цао
Сюэциня «Сон в Красном тереме» (ХУШ в.) на литературный процесс в
современном Китае», представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук.**

*Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Китая)*

Работа А.С.Труновой рассматривает одно из главных произведений позднесредневековой китайской словесности, прозаическое сочинение большой формы «Сон в Красном тереме» (*Хунлоумэн*, ХУШ в.) Цао Сюэциня, традиционно именуемое в западной синологии романом. Не говоря о китайском литературоведении, где исследования этого произведения представляют собой отдельный раздел науки о литературе (*хунсюэ*) , книге уделено серьезное внимание и мировым китаеведением; отечественные синологи в разное время предпринимали изучение многих сторон этого литературного шедевра. В этих непростых обстоятельствах, когда, кажется, о романе сказано уже всё, что можно, А.С.Трунова находит свой, самостоятельный угол зрения, пытается сочетать исследование самого романа с выяснением его предшественников в китайской словесной традиции древности и средневековья и последователей – в литературе Китая XX и даже XXI веков.

Поскольку, повторяю, «Сон в Красном тереме» многократно и во множестве аспектов исследован, диссидентка, говоря о романе, дает вполне добротную сводку главных проблем (гл. 1), встававших перед учеными-предшественниками: до сих пор окончательно не решенный вопрос об авторе (с. 13 и далее); сложности текстологии и попытки выявить подлинную версию текста; многочисленные комментарии и интерпретации; продолжения и дополнения. Не обходит она стороной и образный мир «Сна...», соотношение точных бытовых деталей – обстановка усадьбы, костюмы персонажей (с. 30) и т. п. – со сложнейшей его символикой,

иноскзаниями, даже фантастикой, уводящими роман далеко за пределы правоописательного или семейного жанра. Именно множественностью связанных с романом проблем хочется объяснить издержки этого раздела: некоторую хаотичность в подаче материала, нечеткость формулировок (скажем, безоговорочное использование понятия «новаторство», с. 40, требующее для средневекового сочинения, по крайней мере, уточнения), стилистические небрежности («...в своем собрании трудов ... исследует..», с. 8–9).

Впрочем, важнее, как кажется, стремление А.С.Труновой проследить связи «Сна...» с предшествующей традицией (с. 36 и далее; с. 97). В самом деле, как бы ни изгонялся из высокой словесности, начиная с Конфуция (У1–У вв. до н. э.) и его усилиями, любовный элемент (допустимы считалось только воспевание семейных чувств), так или иначе вовсе лишить классическую поэзию – ведущий род китайской словесности – лирического начала не удавалось никогда. Во-первых, любовная тема была широко представлена в народных песенных жанрах, которыми как неисчерпаемым источником пользовались поэты во все времена; их подражания, к примеру, народным песням юэфу насыщены любовными пассажами, о чем свидетельствует, в частности, знаменитое собрание «Новых напевов Нефритовой башни» (*Юйтай синьюн*, У1 в.). Во-вторых, классические стихотворения *ши* говорили о любви, прибегая к символике и иносказаниям. Так, одна из самых распространенных в китайской поэзии тем – тоска покинутой наложницы (насколько можно судить, первое подобное стихотворение сочинила наложница Бань в ранге *цзеюй* в 1 в. до н. э.) – видимо, со временем, сохраняя привычный облик стихов тоскующей гаремной девы, обретают чисто любовное содержание, пусть и скрытое, по определению китайских поэтов, «за словом».

Ранняя повествовательная проза в первые века новой эры, сохраняя прочную связь с историческими сюжетами, уверенно отбирала из них те, что были отмечены любовными коллизиями: о Чжао – Летящей Ласточеке

или о девице из У по прозванию Пурпурный Нефрит. И дальше – век за веком, династия за династией – прозаические жанры от танской новеллы *чuanьци* («История гетеры Ян», «Повесть об Ин-ин») до сунских и минских повестей насыщены любовными историями – печальными, трагическими, веселыми, со счастливым концом.

В драматургии эпохи Юань пьесы о любви – взять, хотя бы, «Осень в Ханьском дворце» Гуань Хань-цина и «Западный флигель» Ван Ши-фу – из самых прославленных.

Поздно возникшие в Китае масштабные повествовательные формы – романы-эпопеи, фантастические романы – были содержательно тесно связаны с традицией историописаний, а технически – со сказительской традицией. Бытовой, нравоописательный роман – «Цзинь, Пин, Мэй» или «Подстилка из плоти» – наследовал любовной линии словесности, которая во всей полноте воплотил Цао Сюэ-цинь в «Сне в Красном тереме». Эта прослеженная в диссертации генеалогия существенна по многим причинам. Для средневековых китайцев необыкновенно важно было понять истоки (юань) того или иного явления, проследить, как выстраивается, начиная с древности, ряд сходных тем и сюжетов, то есть, как еще в древности говорил великий историк Сыма Цянь, «установить однородность» , что позволит познать сущность явления.

С этой точки зрения, исследованные корни и последовательная эволюция столь значимых для «Сна...» линий китайской словесности существенно обогащают представления об этом сочинении (см. с. 97). Но автор делает следующий шаг и пытается в работе указать дальнейшее развитие любовной темы уже как продолжение традиции романа Цао Сюэ-циня. Если устанавливая генеалогию, А.С.Трунова оперировала вполне однородным материалом средневековой словесности, то обращаясь к произведениям литературы Нового времени исследователь эту однородность покидает. Сама по себе традиция сопоставления традиционной и новой словесности не нова для науки о литературе, в том

числе, для синологического литературоведения. Из самых близких примеров – предпринятые замечательных знатоком классической китайской поэзии Л.З.Эйдиным сравнение китайских стихотворений с близкими по тем русскими стихами поэтов XIX в. – Батюшкова, Дениса Давыдова, каковое осложнялось и разностью весьма далеких культурных традиций. В этом отношении замысел А.С.Труновой, пожалуй, менее рискован, хотя и требует, на мой взгляд, достаточно веских обоснований его правомерности (см. с. 111). Впрочем, если говорить в терминах отечественного востоковедения, китайская литература XX, скажем, века, разумеется, отличается от классической средневековой словесности Китая, но во многих отношениях остается вполне «традиционистской», то есть имеющей вполне зримые черты литературы средневековой. Кроме того, сама по себе идея повторения предшественников весьма укоренена в классической литературе Китая, словно бы постоянно обернутой к своим истокам, реализуя модус интенсивного взаимодействия с традицией: «всё уже было в прошлом, нужно только отыскать высокий образец и актуализировать скрытые в нем смыслы». Поэтому век за веком присутствуют в китайской словесности бесчисленные «продолжения», «вторения», стихи «на рифму такого-то» и т. п (см. с. 70–71). Неудивительно, что такое мощное явление словесности, как «Сон..», с его таинственной недосказанностью, скрытым и явным символизмом буквально провоцировало близких и дальних потомков на такого рода пародии – роман дописывали, ему подражали; он становился объектом комментаторских спекуляций, маргиналий; вокруг него сложился круг сочинений, на новом материале воспроизводящих основные коллизии первоисточника, сюжетные ходы, характеры и облик главных персонажей.

Выбрав несколько разножанровых реплик подобного рода – от сочинений, в которых досказывается недосказанное в романе, до воспроизводящих в современную эпоху «семейную» линию «Сна...» произведений («Семья» Ба Цзиня) и писательской эссеистики недавних лет, – докторантка делает небезуспешную попытку исследовать

многообразие силовых линий, которыми велики роман от времени создания в ХУШ веке и до наших дней буквально пронизал китайскую словесность. В целом, ей это удается. Жаль, что только упомянут (с. 115), но не разобран сколько-нибудь подробно, сравнительно недавний текст (повесть? роман?) Юн Чжан «Дикие лебеди» - блистательный пример почти документального повествования о жизни традиционной китайской семьи на сломе эпох; из сопоставления «Лебедей» со «Сном...» можно было бы, как кажется, много извлечь полезного для темы диссертации.

Проблематика диссертации столь глубока и обширна, охватывает столь огромный временной промежуток, что указать на пробелы работы не составляет труда (скажем, трудно оправдать отсутствие у А.С.Труновой даже упоминания о знаменитой «Песне о бесконечной печали» Бо Цзюй-и да и многого другого). Но в то же время собранный и обследованный автором материал вполне доказателен сам по себе, а восполнение пробелов можно оставить для дальнейших исследований, которые, можно надеяться, автор предпримет в будущем.

Пока же стоит констатировать, что наблюдения А.С. Труновой и выводы, к которым она приходит на их основе, доказательны и научно значимы.

Автореферат и публикации в рецензируемых ВАК изданиях соответствуют теме и содержанию диссертации, отражают ее основные положения.

Представленное к защите диссертационное исследование является грамотной, самостоятельной, завершенной квалификационной научной работой и соответствует критериям, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (пп. 9, 10,11, 13, 14), а его автор Анна Сергеевна Трунова заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Китая).

Официальный оппонент:
кандидат филологических наук
по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Китая).

директор Института восточных культур
и античности ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет» (РГГУ)

Илья Сергеевич Смирнов

И.С.Смирнов

12.02.2018 г.

(PTI y)

Контактная информация:

Института восточных культур и античности Российской государственной гуманитарного университета

Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., д.6

Телефон: 8 (495) 250 6994

E-mail: ily9360@yandex.ru

С работами И.С.Смирнова можно ознакомиться по адресу:

<http://ivka.rsuh.ru/article.html?id=245095>

